

 БОЛЬШАЯ ПРОЗА
ДИНЫ РУБИНОЙ

Дина
Рубина

СИНДИКАТ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Оформление серии *Алексея Дурасова*

В оформлении книги использована репродукция
картины *Алексея Дурасова*

Рубина, Дина.

Р82 Синдикат / Дина Рубина. — Москва :
Эксмо, 2018. — 656 с.

ISBN 978-5-04-097714-7

Автор, ранее уже судимый, отмечает малейшие поползновения кого бы то ни было отождествить себя с героями этого романа. Организаций, министерств и ведомств, подобных Синдикату, существует великое множество во всех странах. Персонажи романа — всего лишь рисованные фигурки, как это и полагается в комиксах; даже главная героиня, для удобства названная моим именем, на самом деле — набросок дамочки с небрежно покрашенной сединой. И все ее муторные приключения в тяжелой стране, давно покинутой мною, придуманы, взяты с потолка, высосаны из пальца. Нарисованы.

Сама-то я и не уезжала вовсе никуда, а все эти три года сидела на своей горе, любуясь башнями Иерусалима, от которого ни за какие деньги не согласилась бы отвести навеки замороженного взгляда...

Дина Рубина

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Д. Рубина, 2018

© Оформление.

ISBN 978-5-04-097714-7

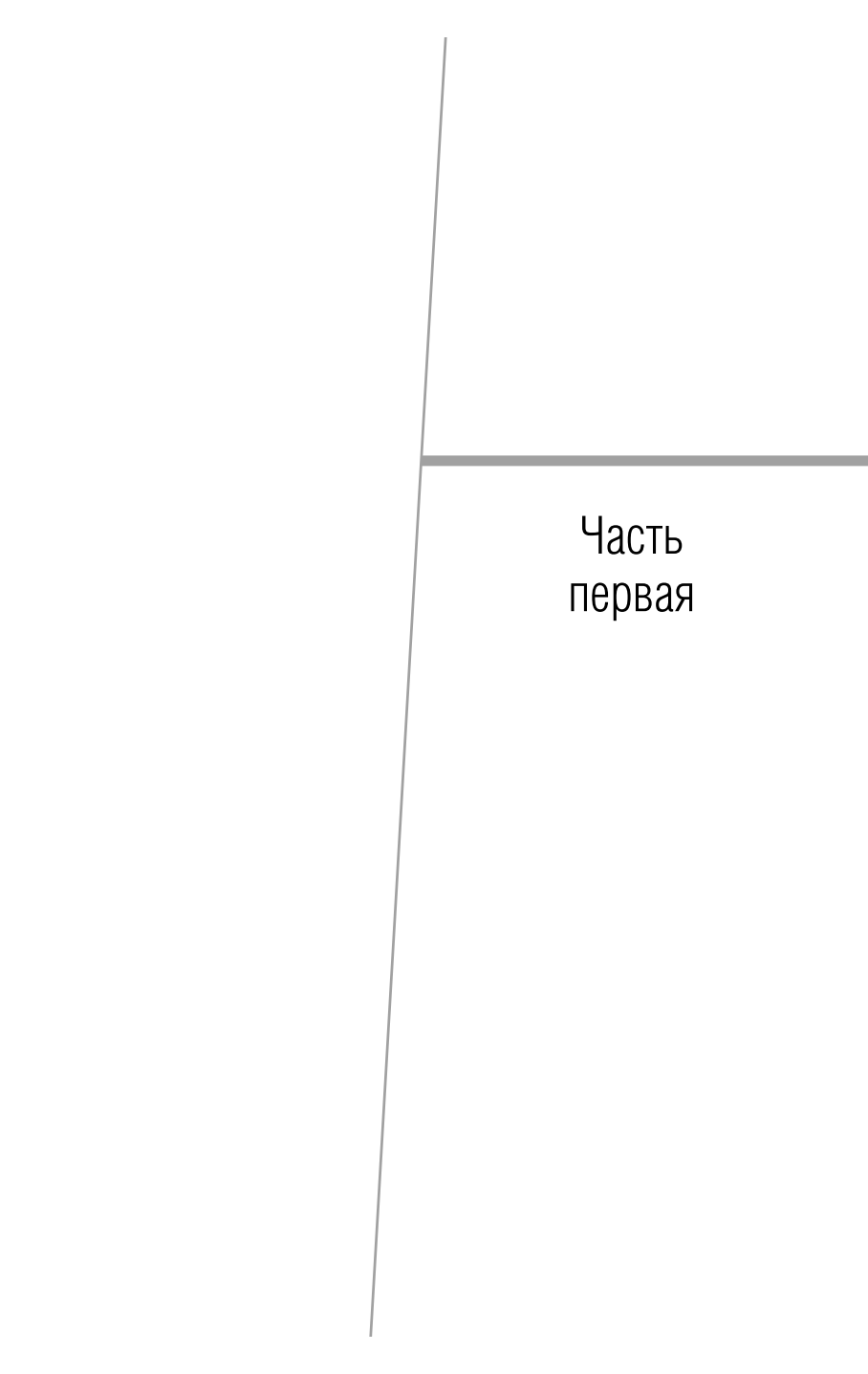
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Автор, ранее уже судимый, решительно отмечает малейшие поползновения кого бы то ни было отождествить себя с героями этого романа.

Организаций, министерств и ведомств, подобных Синдикату, существует великое множество во всех странах.

Персонажи романа — всего лишь рисованные фигурки, как это и полагается в комиксах; даже главная героиня, для удобства названная моим именем, на самом деле — набросок дамочки с небрежно закрашенной сединой. И все ее муторные приключения в тяжелой стране, давно покинутой мною, придуманы, взяты с потолка, высосаны из пальца. Нарисованы.

Сама-то я и не уезжала вовсе никуда, а все эти три года сидела на своей горе, любуясь башнями Иерусалима, от которого ни за какие деньги не согласилась бы отвести навеки замороженного взгляда...

Часть
первая

...о еврейском народе, народе религиозного призвания, нужно судить по пророкам и апостолам.

Николай Бердяев

Еще один вечный жид напялил на себя галстук-бабочку.

Джозеф Хеллер.
«Голд, или Не хуже золота»

Глава первая

В случае чего

Утром Шая остановил меня на проходной и сказал, чтобы я передвинула стол в своем кабинете в прежнее положение, а то, не дай Бог, в случае чего, меня пристрелят через окно в затылок.

Решив побороться за уют на новом месте, я возразила, что если поставить стол в его прежнее положение — боком к окну, — то мне, в случае чего, отстрелят нос, а я своим профилем, в принципе, довольна.

Мы еще попрепирались немного (мягко, обтачивая друг на друге пресловутую библейскую жестоковыйность), но в иврите я не чувствую себя корифеем ругани, как в русском. В самый спорный момент его пиджак заурчал, забормотал неразборчиво, кашлянул, — Шая весь был опутан проводами и обложен рациями. Время от времени его свободный китель неожиданно, как очнувшийся на вокзальной скамье алкоголик, издавал шепелявые обрывистые реплики по-русски — это два, нанятых в местной фирме, охранника переговаривались у ворот. Тогда Шая расправлял плечи или переминался, или громко прокашливался, — словом, совершал одно из тех неосознанных движений, какие совершает в обществе человек, у которого забурчало в животе.

Часом позже всех нас собрали в «перекличке» для недельного инструктажа: глава департамента *Бди-*

тельности честно отработывал зарплату. А может, он, уроженец благоуханной Персии, искренне считал, что в этой безумной России каждого из нас подстерегают ежеминутные разнообразные ужасы?

В случае чего, сказал Шая, если будут стрелять по окнам кабинетов, надо падать на пол и закатываться под стол.

Я отметила, что огромный мой стол, в случае чего, действительно сослужит хорошую службу: под ним улягутся в тесноте, да не в обиде, все сотрудники моего департамента.

Если будут бросать в окна бутылки с «коктейлем Молотова», продолжал он, всем надо спуститься на первый этаж и выстроиться вдоль стены в укрепленном коридоре возле департамента *Юной стражи Сиона*. Не курить. Не разговаривать. Соблюдать спокойствие. А сейчас порепетируем. Па-ашли!

Все шестьдесят семь сотрудников московского отделения Синдиката гуськом потянулись в темный боковой коридор возле *Юной стражи Сиона*. Выстроились вдоль стены, негромко и невесело перешучиваясь. Постояли... В общем, все было как обычно — очень смешно и очень тошно.

Прошли минуты две.

Все свободны, сказал Шая удовлетворенно. В его идеально выбритой голове киллера отражалась лампа дневного света, густые черные брови шелковистыми гусеницами сползли со лба к переносице. Пиджак его крикнул, буркнул: «Коля... жида в домике?.. дай сигаретку...»

За шиворотом у него жил диббук, и не один...

О том, что в моей новой должности ключевыми словами станет оговорка «в случае чего», я поняла еще в Иерусалиме, на инструктаже главы департамента *Бдительности* Центрального Синдиката.

Мы сидели за столом, друг против друга, в неприлично тесной комнатенке в их офисе в Долине Призраков — так эта местность и называлась последние несколько тысяч лет.

Глава департамента выглядел тоже неприлично молодо и легкомысленно. Была в нем сухопарая прожаренность кибуцника: выгоревшие вихры, брови и ресницы, и веснушки по лицу и жилистым рукам. Меня, впрочем, давно уже не вводили в заблуждение ни молодость, ни кибуцная затрапезность, ни скромные размеры кабинета. Я знала, что это очень серьезный человек на более чем серьезной должности.

На столе между нами лежали: ручка, затертая поздравительная открытка и небольшой ежедневник за 97-й год...

— ...и должна быть начеку постоянно, — говорил он. — Проснулась утром, сварила кофе, выгляни между глотками в окно: количество автомобилей во дворе, мусорные баки, кусты, качели — все ли так, как было вчера?.. Перед тем, как выйти из квартиры, загляни в глазок: лестница должна хорошо просматриваться... Не входи в лифт на своем этаже, поднимись выше или спустишь на пролет... И ни с кем в лифт не входи — ни со старухой, ни с ребенком, ни с собакой... Общественный транспорт в Москве для тебя заказан, — только автомобиль с личным водителем...

Заметил тень усмешки на моем лице, согласно усмехнулся и кивнул на стол:

— Возьми эту ручку... Отвинти колпачок...

Из отверстия выскочили и закачались две легкие пружинки.

— Это бомба, — сказал он. — На такой подорвался наш синдик в Буэнос-Айресе, в семьдесят третьем... А теперь возьми открытку: она пришла по почте в день твоего рождения, вместе с десятком других поздравлений.

Я заглянула в створчатую открытку с медвежонком, улетающим на шаре. Внутри было размазано небольшое количество пластилина с вмятой в него металлической пластиной.

— Это бомба, — повторил он ровно. — На такой подорвался наш синдик во Франции, в восемьдесят втором... Теперь, ежедневник...

Я взяла блокнот, пролистнула несколько страниц. Со второй недели ноября и насквозь в толще всего года было вырезано дупло, в котором змейкой уютно свернулась пружина.

— Это бомба, — продолжал он. — На такой подорвался наш синдик в Уругвае, в семьдесят восьмом...

Я подняла глаза. Парень смотрел на меня пристально и испытующе. Но была еще в его взгляде та домашняя размягченность, по которой — независимо, будь то в стычке или душевной беседе, — я отличаю соотечественников, где бы они мне ни встретились...

Елки-палки, подумала я, не отводя взгляда, что ж я делаю?!

— Ничего-ничего, — он ободряюще улыбнулся. —

Возьми-ка... — и подал брелок, крошечный цилиндр из какого-то белого металла. — Вот, в случае чего... Когдаходишь в темный подъезд или в подворотню... Да не бойся, это всего лишь лазерный фонарик... Срок годности — десять лет...

...Я вышла из офиса Синдиката и перешла на противоположную сторону улицы, где под огромным щитом, возвещающем о ближайших сроках сдачи трамвайной линии на этом участке пути, в тени под тентом своего шляпного лотка, облокотившись на обшарпанный прилавок, сидел на высоком табурете толстый старик. Я уже примеривала здесь шляпы — неоправданно, на мой взгляд, дорогие. Даже на уличном лотке цены соответствовали этому респектабельному району Иерусалима, в котором жили потомки давних переселенцев, «старые деньги», черт их дери...

И на сей раз я сняла с крючка широкополую шляпу из черной соломки. Старик тут же услужливо придвинул ко мне небольшое круглое зеркало на ржавой ножке.

Да... мое лицо всегда взывало к широким полям, всегда просило шляпу. Черную шляпу, которая, впрочем, облагораживает любое лицо...

На меня из зеркала из-под обвисших крыльев дохлой черной чайки смотрела (вот достойная задача для психоаналитика!) — всегда чужая мне, всегда незнакомая женщина... Я — чайка! чайка!

— Тебе страшно идет... — произнес старик. Видно было, как он страдал от жары. Пот блестел у него